

Свобода и воля как экзистенциальные ориентиры поэта (на материале творчества Марины Цветаевой)

<https://doi.org/10.34739/clit.2024.18.08>

Freedom and will as existential parameters of the poet
(based on the works of Marina Tsvetaeva)

Abstract: The article presents a typology of various aspects of “freedom” and “will” in Marina Tsvetaeva’s works. The poet used the core meanings of the lexemes “freedom” and “will” which are reflecting their Russian features. However, it is essential to emphasize the negative connotation, particularly associated with the lexeme “freedom” in its socio-political context, and the practical absence of this connotation in the lexeme “will”. The external personality-oriented aspect manifests a much broader scale: “freedom” is most frequently employed to characterize close individuals or relationships with them, while “will” describes various aspects of human relationships and dependency on others. The internal personality-oriented aspect is linked to the perception of “freedom” and “will” as moral and psychological categories. Tsvetaeva dedicates a lot of space to reflections on internal freedom and the role of will in the creative process. The philosophical aspect is associated with understanding “freedom” as a regulated order sought by the poet in life, and the search for constraints on her own will. The metaphysical understanding of “freedom” and “will” in Tsvetaeva’s works is also a result of her creative experience. The everyday aspect opens up possibilities for various metaphors of “freedom” and “will”, where these concepts replace these concepts replace, among other things, space, financial condition, absence of obligations, and more.

Keywords: freedom, will, Marina Tsvetaeva, Russian poetry

В русской языковой и культурной традиции понятия „свобода” и „воля” отличаются смысловым богатством, а также тесной связью с социально-культурными аспектами быта и бытия. Понятия „свобода” и „воля” особым образом коррелируются, в результате чего образуются различные семантические признаки, которые отражают русскую национальную специфику. Лексемы „воля” и „свобода” полисемантчны, в некоторых значениях пересекаются.

Как указывает О. Егорова, первоначально наблюдалась связь свободы (народный вариант: „слобода”) с понятиями „свой – чужой”. Лексема „слобода”, имевшая значение «состояние человека и место, где живут свои», становится названием места, где живут свои. Воля соотносилась с чужим миром, за пределами слободы. Это нашло отражение в современном понимании «свободы как возможности делать, что хочешь в определенных рамках (налагаемых обществом) и воли как ничем не ограниченной свободы действий в ничем не ограниченном широком пространстве»¹. Слобода перестала соотноситься с понятием „свой”, а воля не сразу приобрела значение свобода: «волей обладал Бог, а не человек. Воля стала соотноситься с личным желанием человека, его правом выбора»². Сближению значений лексем „свобода” и „воля” способствовало наличие пространственного компонента. Свобода определяется как «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений», а также как «возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества». Воля понимается как «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений», а также как «психическое свойство индивида, его способность осуществлять свои желания, стремления, цели»³, ассоциируется с силой, независимостью, характером, поступком, упрямством в принятии решений. Как подчеркивает Н. Арутюнова, общность этих понятий ограничена социомодальным значением: „свобода” соотносится с модальностью необходимости, признающей ограничения, тогда как „воля” ассоциируется с модальностью желания, их снимающей⁴.

При обращении к языковому материалу, взятому из стихов, поэм, лирической прозы, писем, дневников Марины Цветаевой, видится необходимым проследить, как в использовании данных понятий отразились национальная логика и эстетика, народный склад мышления, а также, каким образом Цветаева привносит

¹ О. Егорова, О.Кириллова, «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры, „Ярославский педагогический вестник” 2012, № 4, т. 1 (Гуманитарные науки), с. 162.

² *Ibidem*.

³ *Ibidem*.

⁴ Н. Арутюнова, *Воля и свобода*, в: Н. Арутюнова, *Логический анализ языка*, Москва 2003, с. 74.

в представления о них свои индивидуальные знания и смыслы, а творческую свободу выводит из факта, что на Руси речь всегда была свободная: «а если у меня „поэтическое своеволие” – на это я и поэт»⁵. Следует подчеркнуть, что понятиям „свобода” и „воля” поэт уделяет особое внимание, пытается понять их границы и определить сферы, где они возможны, а где нет. Частотность обращений к данным понятиям в стихотворных и прозаических текстах Цветаевой достаточно высокая: около 200 раз встречается лексема „свобода” и около 240 раз – „воля” (а с учетом производных лексем, которые в статье не рассматривались, около 400 и 410 соответственно).

Собранный материал условно можно разделить на шесть групп в зависимости от тематического аспекта действительности⁶:

1. Общественно-политический аспект объединяет такие значения как „высокий идеал”, „демократическая ценность”, „горькое разочарование”, „вседозволенность”, „недоверие властям”, „свобода как право”.

1.1. Свобода. В качестве общественно-политического идеала в творчестве Цветаевой свобода установилась на уровне детской декларативной к ней устремленности: «Служить свободе – наш девиз» (СС1, 138). В возрасте 16 лет поэт понимает недостижимость свободы в жизни, предлагает собственное определение: «это мраморная женщина, у ног к<отор>ой погибают ее избранники. Свобода – это золотое облачко, к к<оторо>му нет иного пути кроме мечты, сжигающей всю душу, губящей всю жизнь» (СС7, 730). В мае 1917 года свобода теряет патетическую возвышенность, превращаясь из «Прекрасной Дамы/ Маркизов и русских князей», в: «Гулящую девку/ На шалой солдатской груди!» (СС1, 351), что является острой реакцией поэта на утрату чувства свободы, ведь, как подчеркивает А. Шмелев, «ценность свободы обычно остро

⁵ М. Цветаева, *Собрание сочинений в 7-ми томах*, Москва 1994-1995, т. 4, с. 255. Далее в тексте – СС с указанием номера тома и страницы.

⁶ В статье использована типология различных аспектов действительности, предложенная в диссертации: Т. Ардашева, *Лингвокогнитивный анализ концепта «свобода» (на материале русского, английского и французского языков)*, автореферат диссертации, Ижевск 2012, с. 14-17, в: core.ac.uk/download/pdf/197429249.pdf.

ощущается теми, кто ее лишен»⁷. Понимание свободы как вседозволенности и, одновременно, ее иллюзорности и реального отсутствия прав и свобод в окружающей действительности Цветаева считала глубоко народным, чему подтверждением служат дневниковые записи, которые представляют собой наблюдения за простыми людьми, есть даже записи прямых цитат: «вот все эти [...] свободы похабные – не что иное будет, как сомушение Антихристово» (СС4, 419) или: «Какая ж свобода слова, если ты и икнуть по-своему не смеешь!» (СС4, 438). Большевизм открыл для поэта много свобод, которые она последовательно перечисляет: «Свободу одежды [...], слова [...], смерти когда угодно [...], ночевки под открытым небом, – всю героическую авантюру Нищенства»⁸ (НЗК1, 374), а также: «Свободу кражи, продажи» (НЗК1, 409). Цветаева подчеркивала свою амбивалентность в оценках свободы: «Ни за свободу я – ни против оной» (СС1, 498), но реалия 1919 года вынуждают молодого поэта признать крах своего детского идеала: «тройную ложь» идей «Свободы, Равенства и Братства!» (СС3, 402). А спустя 15 лет Цветаева окончательно уверится: «„свобода, равенство и братство” – ничто» (СС7, 606). В 30-е годы свободу понимала, как «ничем, кроме собственного звучания, не заполненное слово» (СС5, 117), в ремарке письма 1935 года замечает «(свободы, которой нет)» (СС7, 287).

1.2. Воля. Воля актуализирует в большей степени личностный аспект проявления свободы, поэтому общественно-ориентированные аспекты воли появляются у Цветаевой редко. Так, общественно-политический аспект воли, выражаемый как „высокий идеал”, „демократическая ценность” у Цветаевой маргинален и нечастотен (например, «Вандея была примером воли народа, она дала «когда-то столь великолепную вспышку воли» (СС6, 346)). Данный аспект пересекается с лично-ориентированным (внешним) аспектом, который понимает свободу как деятельность, которая „ведет к положительному результату”. В сентябре 1931 году

⁷ А. Шмелев, *Еще раз о русских словах свобода и воля*, „Вестник РУДН. Серия Лингвистика” 2018, вып. 22, № 3, с. 684.

⁸ М. Цветаева, *Неизданное. Записные книжки*, т. 1-2, Москва 1997, т.1, с. 374. Далее в тексте – НЗК с указанием номера тома и страницы.

поэт объясняла, что волю воспринимала «как волю волевою, а не как волю-свободу» (СС7, 144), а также что «свободу», понимала как волю «к чему-нибудь: к той же работе» (СС7, 330).

Цветаева в ранних стихах декларирует стремление попадать в экстремальные ситуации, сталкиваться со страшными врагами, ситуациями без выбора: «Гибель здесь, а там тюрьма!» (СС1, 136), сознательную (то есть волевою) конфронтацию везде и со всеми. В этом состоит титульная *Дикая воля*. Воля является фактором осуществления цели: «Карьеризм – сосредоточение воли – избирает себе подходящее – хорошо сосредоточенное – тело» (НЗК1, 173); воля является фактором успеха/неуспеха: «Послужила вам воля добрая!» (СС2, 92); воля приобретает аксиологическую окраску: «моя дань долгу, доблести и добровольчеству, моя трагическая добрая воля» (СС6, 242); или устремление к добру: «...А добрая воля/ Везде – одна!» (СС3, 148). Эти значения, однако, нельзя назвать строго общественно-ориентированными.

2. Личностно-ориентированный (внешний) аспект свободы связан со значением „сам/свой”, когда указывается на „положение своего члена рода”, «то есть наличие какой-либо общности или общества, среди которой (в котором) может реализоваться „независимость” или „состояние свободного человека”»⁹. Данный аспект включает такие значения „свобода как деятельность”, „деятельность, которая ведет к положительному либо отрицательному результату”, „отсутствие семейных обязанностей”, „возможность поступать по-своему”, „свобода как манера поведения”, „легкость, непринужденность поведения”.

2.1. Свобода. Свободу в отношениях с людьми Цветаева ожидала наряду с «легкостью, пониманием» (СС6, 25), «доверием»¹⁰, отсутствием надзора: «Под надзором не могу любить. Единственная свобода, которую ты бы мне мог дать, это – не знать. Она у меня отнята», «дарёная свобода – не свобода» (НСТ, 272),

⁹ Н. Петровых, *Концепты воля и свобода (на материале романа В. М. Шукшина „Я пришел дать вам волю”)*, „Известия Уральского государственного университета” 2002, № 24, с. 209.

¹⁰ М. Цветаева, *Неизданное. Сводные тетради*, Москва 1997, с. 95. Далее в тексте – НСТ с указанием номера страницы.

в отношениях была «против всякого насилия, даже освободительного» (СС5, 476); ненавидела: «полу-, четверть-свободы!» (СС7, 251).

Лексема „свобода” появлялась в качестве характеристик близких знакомых и отношений с ними, так, об А. Тесковой писала: «Мне к Вам хочется домой: на свободу» (СС6, 365), загар М. Волошина – символ «высшей свободы от всего» (СС4, 159); В. Маяковский: «даже в своей кажущейся свободе, связан по рукам и по ногам» (СС5, 390); Б. Пастернак стоял «за свободу – других» (СС5, 394), у А. Пушкина была: «та внутренняя свобода» с революционной несравнимая (СС5, 523); об отце – «полная свобода воли и даже простор своеволию» (СС5, 158); Н. Гронский обращал на себя внимание «какой-то особенной свободой, изобличающей иностранца» (СС5, 435), «силой – и свободой» (СС5, 457); об А. Штейгере: «Внутри же [...] на той свободе сна, вы мне сейчас – самый близкий» (СС7, 581).

2.2. Воля. Личностно-ориентированный (внешний) аспект, выражаемый через „зависимость от воли других”, „в передаче своей воли другому человеку, авторитету” появляется в ранних стихах, когда воля-свобода обусловлена границами дозволенности: «Не дали воли нам/ Отец и мать» (СС1, 358); или: «все, в беспредельности доброй воли – моей и многих – здесь, на месте, будет сделано» (СС6, 203). Семейный/любовный аспект также относится к личностно-ориентированным: так, Цветаева переживает из-за того, что бывает в тягость, «чужим распределением дня, всей чужой (хотя и доброй!) надо мной волей» (СС6, 400), была недовольна дочерью, которая «ушла „на волю”, [...] живет попеременно то у одних, то у других» (СС7, 285). Поэт выделяет условия, когда воля человека ограничивается внешними обстоятельствами, например, замужеством: «Муж, которому вместе с волей,/ Вместе с долей его вручишь» (СС3, 589); родственники могут приобретать власть над человеком: «моя любовь была ее воля» (СС5, 132) либо обстоятельства накладывают ограничения: «в больнице – воля не своя» (СС7, 588); любовные отношения – это форма власти: «“Люби меня, как тебе угодно, но проявляй это так, как удобно мне. А мне удобно, чтобы я ничего не знал”. Воля в зле? Никакой» (СС4, 487), дружеские отношения имеют другой характер: «но дружба, в моих

устах, только моя добрая воля к человеку» (СС6, 684); воля в отношениях может быть безгранична: «Просьба – полная свобода воли и даже простор своеволию» (СС5, 158); воля может быть фактором расставания, ведь непонятно, что и почему владело человеком: «без участия того, что владело», поэтому большой вопрос: «освобождаешься ли по воле от того, что завладело тобою помимовольно». Цветаева объясняет, что «Можно выходить только из-под чьей-нб. воли. Там где воли чужой (ведома!) не было, там и освобождения нет» (НСТ, 510). Воля может пониматься как отсутствие цензуры и редакторских ограничений, так, в русском шанхайском журнале „Русские Записки” поэту «дают полную волю» (СС6, 455).

3. Личностно-ориентированный (внутренний) аспект свободы в русской картине мира – это свойство внутренней сферы человека, оно предполагает понимание свободы как нравственной категории (сохранение собственного «я», противостоит любому виду давлению, внутренний самоконтроль, возможность нравственного выбора), а также понимание свободы как психологической категории (чувство любви, одиночество, замкнутость), свободы как основной стихии творчества (постоянное развитие себя как личности, самосовершенствование, что воплощается, среди прочего, в сценарии свободы, т.е. в акте творчества как таковом или творчества собственной жизни, отношений, развития и совершенствования духа¹¹), а также свободы мыслить, познавать.

3.1. Свобода. К. Бальмонт к числу несомненных достоинств раннего творчества Цветаевой относил: «полную внутреннюю свободу»¹². Сама поэт бережно относится к сохранению внутренней свободы, отсюда и декларация 1921 г.: «Свою застеночную шахту/ За всю свободу не продам!» (СС2, 19), творчество относил к одной из трех свобод: «Есть на свете три свободы:/ Песня – хлеб – и море...» (СС1, 541). Эта песенная/поэтическая свобода является важнейшим источником вдохновения, поэт подчеркивала важные для себя понятия: «Природа – Свобода – Одиночество» (НЗК2, 78). Цветаева

¹¹ Н. Петровых, *op.cit.*, с. 209.

¹² К. Бальмонт, *Марина Цветаева, в: Марина Цветаева в критике современников в 2-х ч, ч. 1. 1910-1941 годы. Родство и чуждость*, Москва 2003, с. 73.

уходит в свой внутренний мир, в свою тетрадь, поскольку сфера внешней свободы все больше сужалась, так, в 1924 году писала: «я в ящичке без воздуха, [...], для жизни (без людей) нужна природа, [...], – нужна свобода – у меня ни того, ни другого, ни десятого, у меня своя тетрадь» (СС6, 701). В 1927 году пространство внешней свободы исчерпалось: «нет той природы и свободы» (СС7, 16). Внутренняя свобода – это то пространство безграничной свободы, которое доступно в этой жизни, в апреле 1934 года писала В. Ходасевичу: «я не привыкла к теснотам, а никогда в жизни такой не бывает свободы, полной и предельной, как внутри, – и не может быть» (СС7, 465), а в стихах подчеркивала: «Уединение: в груди/ Ищи и находи свободу» (СС2, 319). В конце жизни с сожалением вспоминала, что в молодости от нее «шла – свобода» (СС7, 688).

3.2. Воля, понимаемая как «психическое свойство индивида, его способность осуществлять свои желания, стремления, цели»¹³, ассоциируется с силой, независимостью, характером, поступком. В ранней юности поэт называла это – жить «лишь жаждой воли и добра...» (СС1, 9). Для юной Цветаевой важно было определить границы воли в ее личном пространстве: ее „не хочу” всегда „не могу”, ведь важнее: «В не мочь – вся наша природа, в не хотеть – наша сознательная воля. Если ценить из всей сущности волю – сильнее, конечно: не хочу. Если ценить всю сущность – конечно: не могу» (СС4, 523). В вопросах благодарности она не считалась с доброй волей, направленной на нее: «Благодарна я велично, то есть лишь там, где я, помимо доброй воли человека и без его ведома, могу взять сама», «Если бы мы давали кому мы хотим, мы были бы последние негодяи. Мы даем тому, кто хочет. Его голод (воля!) вызывает наш жест (хлеб)» (СС4, 509). Воля является для Цветаевой фактором самоконтроля: «Я сейчас не даю себе воли писать» (СС4, 419), она выражает уверенность в силе своей воли: «Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети/ Пробьется мое своеволие» (СС1, 534); настаивала, что «помимо добр<ой> воли чел<овека> и без его ведома, могу взять сама» (НЗК2, 291), что соседствует с мыслями об обреченности на себя: «вся пресловутая

¹³ Н. Петровых, *op. cit.*, с. 211.

„воля к самому себе” есть только – согласие на самого себя: которого ты не выбирал» (СС7, 533).

Воля предполагает также способность осуществлять поставленные перед собой цели, причем воля проявляется, например, как самоконтроль: «не стоит давать себе волю» (СС6, 18), как устремление к цели: «добровольчество – это добрая воля к смерти...» (СС2, 92); усилие: «Одним ожесточением воли/ Вы брали сердце и скалу» (СС1, 194); желание: «не будет ни Вашей воли, ни моей, вообще» (НСТ, 99); или «Вы все-таки думаете обо мне по своей воле» (СС5, 476); сомнительная помощь: «человек говорит мне то, что мог бы скрыть (его добрая воля!)» (НСТ, 260); нарушение желания: «”Конец Казановы”, кстати изданный против моей воли» (СС6, 560); воспитание: «Верность: невозможность иначе. Остальное вопрос воспитанности, – воли» (НСТ, 94); дерзость «дерзость же – акт воли» (СС5, 275); неотвратимость обстоятельств: «через еще-секунду уж не смогу, никакой силой, никакой волей сдерживать румянца: пожара!» (СС5, 132).

Для Цветаевой, с одной стороны, важно было обозначить события, действия, состояния, возникающие в результате отсутствия воли: «Что мне ответить? Ни воли, ни сил!» (СС1, 87), «у меня нет будущего, нет воли, я всего боюсь» (СС6, 150); волю необходимо напрягать, чтобы совершить какое-то действие: «первое письмо (первое после) больше акт моей воли, чем крик души» (СС6, 615), контролировать «Узнав о его смерти, она [...] не дала воли слезам» (СС6, 536); при этом терпение, по мнению Цветаевой, «некая трата воли, чтобы вынести» (НЗК2, 382). С другой стороны, Цветаева подчеркивает, что есть события, происходящие вне зависимости от воли: «жду письма из Аннемасса – и тогда дело пойдет вне моей воли» (СС7, 608); либо происходящие в результате мимовольности, невозможности или ненужности волевого усилия: «Морские Евангелия Гончаровой, без ведома и воли ее, явно католические» (СС4, 109-110). Кроме того, воля может иметь злонамеренный характер: «у Вас просто не было [...] воли к моему [...] спасению» (НЗК2, 120); или «в этом уже не кротость, а, если не злая воля, то явное отсутствие воли доброй» (СС5, 292); отсутствие помощи – это «ваша злая воля, ваше презрение и плевание!» (СС7, 273). Кроме того, волевой контроль может служить злу: «В чем же

этот грех? Грех не в темноте, а в нежелании света, не в непонимании, а в сопротивлении пониманию, в намеренной слепости и в злостной предвзятости. В злой воле к добру» (СС5, 290).

В характеристике близких людей воля становится фактором описания, так, Пастернаку писала: «Ты же – воля моя, та, пушкинская, взамен счастья» (СС6, 244); а он: «волей [...] называет свою жену и сына» (СС7, 71). В. Брюсов для Цветаевой – это «поэт воли» (СС4, 17), «в пределах воли человеческой – поэт» (СС4, 13), «поэт [...], но не Божьей милостью. [...] волей своей, из земли его вынудивший» (СС4, 16). В основе поэтического строя и мировоззрения Брюсова – «героя труда и воли» – лежит «миросозерцание, волю краеугольным камнем своим поставившее» (СС4, 59), а его победоносность – это «победоносность воина, в целях своих и волей своей, останавливающего солнце» (СС4, 54). Брюсовская воля, по Цветаевой, заменяет мечты, а действие воли «беспредельно. Воля от мира сего, вся здесь, вся сейчас», эта нерусская воля, «непривычная на Руси, сверхъестественная, чудесная в тридевятом царстве, где, как во сне, всё возможно. Всё, кроме голой воли» (СС4, 17). Существование Брюсова состоит в том, чтобы «доказать людям, что может и чего не может [...] – воля» (СС4, 20). И объясняет: «Брюсов в хрестоматии войдет, но не в отдел “Лирика” – в отдел, и такой в советских хрестоматиях будет: “Воля”» (СС4, 63).

3.3. Творческий процесс и свобода. В 30-е гг. Цветаева приходит к пониманию, что творческий процесс сравним с состоянием сновидца: «когда ты вдруг, повинувшись неизвестной необходимости, поджигаешь дом или сталкиваешь с горы приятеля. Твой ли это поступок? Явно – твой (спишь, снишь ведь ты!). Твой – на полной свободе, поступок тебя без совести, тебя – природы» (СС5, 366). Однако в творчестве поэтом управляет некая сила, демон-гений, с которым заключается пакт, и поэт полностью лишается свободы: «Ты мне – кровь, жизнь, совесть, честь, я тебе – такое сознание силы [...], такую власть над всеми [...], такую в моих тисках – свободу, что всякая иная сила будет тебе смешна, всякая иная власть – мала, всякая иная свобода – тесна – и всякая иная тюрьма – просторна». Именно гений/демон участвует в творческом процессе, полностью лишая поэта свободы: «“Только начните! уже

с третьей страницы вы убедитесь, что никакой свободы нет”, – то есть: окажусь во власти вещей, то есть во власти демона, то есть только покорным слугой» (СС5, 369).

3.4. Творческий процесс и воля. Воля поэта участвует в творческом процессе на каждом его этапе: и замысла, и создания произведения: «Умысел: тайное побуждение. Замысел: явная воля к...» (НСТ, 289). Однако зачастую волей-властью обладает не поэт, а сами произведения: «мои русские вещи, [...] волей не моей, а своей, рассчитаны – на множества» (СС5, 334); произведения диктуют свою волю: «Не произнесла, но сейчас – уже волей не моей, а стиха – произнесу. Произношу. Неотвратимость» (СС4, 44), и даже: «стихи сами без моего ведома и воли выносят меня на передовые линии» (СС5, 337). От поэта требуется воля для довершения произведения: «Довести творённое, до рожденного, заданное до данного – вот задача. Нужна воля» (НСТ, 463). Художник подобен порождающей земле, с той разницей, что творящий несет ответственность перед сотворяемым: «у человека же должна быть воля к произращению доброго, которое он знает» (СС5, 347). Невозможно стать поэтом без двух вещей: «ВОЛЯ и ОПЫТ» (СС7, 226), а тем более стать гением: «Гения без воли нет». Помимо воли, гений обладает наитием: «Воля же без наития – в творчестве – просто кол. Дубовый» (СС5, 348). Гений не обладает злой волей, когда пишет, а забывает обо всем, что не творение, вся его воля устремляется к физическому исполнению духовного задания: «к рабочей воле к осуществлению. (Едино-личной творческой воли – нет)» (СС5, 360). Состояние творчества сравнивала с наваждением, одержимостью, сновидением: «Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель, не тебя, а того. Кто – он? То, что через тебя хочет быть. Меня вещи всегда выбирали по примете силы, и писала я их часто – почти против воли» (СС5, 366). Творить – значит позволить стихии/демону вселиться в тебя: «Судить демона (стихию)? Судить огонь, который сжигает дом? Меня? Допустим. За что? За недостаток совести, воли, силы: за слабость» (СС5, 371-372). Доля воли в творческом процессе, по мнению Цветаевой, огромна: «Моя воля и есть слух, не устать слушать, пока не услышишь, и не заносить ничего, чего не услышал

[...] Творческая воля есть терпение» (СС5, 369-370). И ответственность творца огромна, и если он преступает закон, «будь то слабость воли или сила дара», он виновен: «перед Богом, не перед людьми» (СС5, 372).

4. Философский аспект связан с пониманием свободы как „осознанной необходимости“, „разумной логической ответственности за себя и окружающую действительность“, „диалектики индивидуального и общественного“, „ответственный выбор“.

4.1. Свобода. В трудных российских реалиях 1917-1920 гг. у Цветаевой формируется понимание необходимости общественных ограничений, ведь нет «опоры (взамен свободы)» и нет «свободы (взамен опоры)» (НЗК1, 182). Это во многом совпадает с представлениями о свободе, глубоко укорененными в русском сознании, о чем пишет А. Шмелев: «свобода предполагает порядок, хотя порядок не столь жестко регламентированный», «свобода означает право делать то, что человеку представляется желательным, но это право ограничивается законами, защищающими права других людей»¹⁴. В августе 1917 года Цветаева приходит к пониманию неизбежности действия некоего высшего закона: «Только голос наш до вопля вознесен –/ Как на горло нам – железная перчатка/ Опускается – по имени – закон. Закон непреложен: Слезы в очи загоняет, воды –/ В берега, проклятие – в уста». И неизбежен: «И стремится железная свобода/ Вольнодумца с нового моста». Именно по причинам верховенства закона Цветаева заключает: «Только в обруче огромного закона/ Мне просторно – мне спокойно – мне светло» (СС1, 370).

Цветаева в частной жизни также находит опору в законе, убеждена: «лишь закон дает нам свободу», примером охранительного действия закона для нее служит Германия, которую она считает «страной свободы»: «Страна, где закон (общегития) не только считается с исключением: благоговеет перед ним». Для поэта внешние ограничения – «путь к внутренней свободе» (СС4, 543). Для внутренней свободы необходимы некие внешние правила: «надо не выходить из колеи». Ей нужна была «твердая Основа –

¹⁴ А. Шмелев, *op. cit.*, с. 683.

Устав» (НЗК1, 160), признавалась: «Я боюсь произвола, слишком большой свободы», «я боюсь свободы!» (НЗК2, 170). Подводя итоги жизни, в 1938 году писала о том, что, возможно, больше всего в жизни любила монастырь: «с условной свободой и условной (вольной) неволей», «устав для меня высший уют, а „свобода” – просто пустое место: пустыня» (СС7, 516).

4.2. Воля. Цветаева подчеркивает постоянное желание подчиниться, лишиться воли: «Я всегда хотела служить, всегда иступленно мечтала слушаться, ввериться, быть вне своей воли (своеволия)» (НСТ, 259); уточняет: «Как поэту – мне не нужен никто. [...] существу стихийному – мне нужна воля: воля другого к лучшей мне» (НСТ, 259). В этом отношении сравнивает себя с Марусей из *Молодца*, которая была послушной в насилии над собой, шла «по голосу, по чужой воле, не своей» (СС6, 249).

5. Метафизический аспект: свобода как со-бытие с Богом или высшими силами включает понимание свободы как независимости от физической смерти, как нравственной ценности, непрерывного процесса развития и совершенствования жизни. В русском языковом сознании понятие свобода было закреплено за социальной сферой, и только к началу XIX века свобода проникает в область нравственных ценностей, получая, в частности, градуальность, отсюда у свободы появляется определение „полная”, а также горизонт ожидания, перспекция, что составляет оппозицию конструкции „свобода от”, трактуется с помощью оценочных категорий благо, добро, зло, истинность, ложность. Семантика „отсутствие ограничений” смещается на периферию¹⁵.

5.1. Свобода. Как было показано выше, у Цветаевой сформировался негативный образ внешней, „социальной” свободы, которая недостижима: «в жизни такой не бывает свободы, полной и предельной, как внутри, – и не может быть» (СС7, 465). Именно поэтому в мае 1926 года писала Пастернаку, что «из самосохранения» переселяется «в свободу – полную» (СС6, 249). Свобода ей

¹⁵ Е. Сипрова, *Свобода как нравственная ценность в русской языковой картине мира: диахронические изменения межкатегориальных границ*, „Филологические науки. Вопросы теории и практики” 2018, № 1-2 (79), с. 370-371.

представляется сомнительной нравственной категорией, к которой стоит стремиться любыми способами, метафоризировала свою позицию лучом, который, обладая своей дорогой, не станет «ради свободы» сворачивать «направо или налево» (НСТ, 510). Для нее представляла ценность именно «внутренняя свобода – безмерная» (СС7, 581), которая сродни полной свободе «какой нет на свете», «свободе того света» (СС7, 578). По ее мнению, такая свобода достигается во сне (или в творчестве): «...Мой любимый вид общения – потусторонний: сон. Я на полной свободе» (НСТ, 148); у сна особый вид свободы, ее координаты: «несомненность», «слепость» (НСТ, 120), «безнаказанность, безответственность – и беззаветность сна» (СС6, 566). Состояние сна – это «я на полной свободе (неизбежности), тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. Моя погода, мое освещение, мой час суток, мое время года, моя широта и долгота. Только в нем я – я». И уточняла: сон дает такую свободу, которой в жизни обычный человек не только не ищет – не выносит (СС7, 153).

5.2. Воля. Воля у Цветаевой чаще связывается с „со-бытием с Богом или высшими силами”. Прежде всего, воля – это власть, возможность распоряжаться судьбой и событиями жизни, так, Цветаева верила, что существует «какая-то воля крови. Кровь земная проливаться должна» (СС4, 518), при этом нужна добрая воля: «Силой я ее у тебя не возьму, мне нужна добрая воля» (НСТ, 299); о невозможности влиять на другого человека: «Если это судьба, а не случай, не будет ни Вашей воли, ни моей» (СС5, 473). События воспринимала как ниспосланные чьей-то волей: «Глядя Вам вслед – как с корабля, где не наша воля» (СС6, 321), невозможность вмешиваться в ниспосылаемые свыше процессы Цветаева осознает в детстве, пишет: «Между Богом и Чертом не было ни малейшей щели – чтобы ввести волю» (СС5, 43). Это же происходит и в творчестве, замечает, что после завершения произведения всегда приходит мысль: “Как это у меня чудно вышло!” – никогда: “Как это я чудно сделал!” Цветаева объясняет: «всегда чудом вышло, всегда благодать, даже если ее посылает не Бог» (СС5, 369). Герои произведений Цветаевой также наделяются верой в эту высшую волю: «Но да сбудется воля тех!» (СС3, 595);

«А зато – какая воля –/ В подмастерьях – старший брат» (СС1, 446), они поддаются этой высшей воле добровольно: «Волей Миносу отдался!» (СС3, 597); «Высшей воли ее зеркало,/ Только вестницею предстала,/ Только волю ее изречь –/ Принесла тебе нить и меч» (СС3, 598).

6. Разговорно-бытовой аспект связан с пониманием свободы/воли как пространства, с удовольствием от простора, свободы как времени, свободы в использовании какого-либо объекта.

6.1. Свобода. К данному аспекту Цветаева чаще всего обращается в переписке, дневниковых записях. Так, в ранний период творчества описывает маленькую дочь Алю, которая «любит горы, море, камешки, палки, – вообще свободу» (НЗК1, 77), свой первый дом превратила в пространство «безмерной свободы» (СС4, 317); иное понимание свободы-пространства усматривает Цветаева в отношениях: «пространство (т.е. вся свобода между двумя) – стена, в которую ломишься» (НСТ, 217), освобождения от бытовых проблем: «т.е. отсутствие плиты, т.е. свобода» (СС6, 528); деньги для поэта – «моя свобода и мой письменный стол» (СС5, 286); приспособления для плавания: «полная свобода в воде» (СС6, 429); встреча с подругой предполагает свободное время: «я (тьфу, тьфу не сглазить!) на полной свободе» (СС7, 511).

6.2. Воля. Воля же в большей степени соотносится с простором, на который кто-то устремляется из закрытого помещения. Как отмечает А. Шмелев, «выражение *на воле* отражает представление об открытом пространстве, в котором человек может передвигаться как ему угодно»¹⁶. Такие примеры частотны: данный аспект присутствует с самого раннего этапа творчества, о свободном состоянии, то есть, когда «воля противопоставляется закрытому помещению, в том числе жилью»¹⁷, Цветаева писала еще в 1910 году: все «на воле: жилец-гимназист,/ И Наташа, и Дорик с лопатой» (СС1, 36); в горах на природе: «Хорошо будет ночевать на воле!» (СС6, 107), «Пасха, заутрени на воле» (НСТ, 466) или во

¹⁶ А. Шмелев, *op.cit.*, с. 680.

¹⁷ *Ibidem.*

время литургии: «стояли на воле, церковка была переполнена» (СС7, 337), в Коктебеле «все спали на воле» (СС4, 151); за окном: «воля. За спиной – воля, перед глазами – любовь» (СС4, 313); желание встречаться: «в темноте, на полной воле, долго» (НСТ, 313), или «лучше всего на воле, на равных правах с деревьями» (СС7, 199), отдыхать: «дети, [...] должны расти на воле» (СС6, 397).

Представленная выше типология различных аспектов свободы и воли в творчестве Цветаевой не исчерпывает всех возможных, не говоря уже об особенностях реальных употреблений лексемы, но указывает на характерные тенденции. Цветаева использует основные значения лексем „свобода” и „воля”, которые отражают их русскую специфику. Однако, следует подчеркнуть негативную коннотацию, связанную, в частности, с лексемой „свобода” в ее общественно-политическом аспекте и практически отсутствия этого аспекта у лексемы „воля”. Внешний личностно-ориентированный аспект проявляется значительно шире: свобода употребляется чаще всего в качестве характеристик близких или отношений с ними, а воля характеризует разные стороны человеческих отношений, зависимость от других. Внутренний личностно-ориентированный аспект связан с восприятием свободы и воли как нравственных и психологических категорий. Цветаева много места уделяет рассуждениям о внутренней свободе и роли воли в творческом процессе. Философский аспект связан с пониманием свободы как регламентированного порядка, которого поэт искала в жизни, и поиском ограничений для собственной воли. Метафизический аспект понимания свободы и воли у Цветаевой является результатом, в том числе, творческого опыта. Бытовой аспект открыл простор для разного рода метафоризаций свободы и воли, эти понятия заменяют, в частности, пространство, финансовую кондизицию, отсутствие обязанностей и т.п.

Подводя итоги, можно утверждать, что, несомненно, свобода и воля были важнейшими категориями творческого сознания Цветаевой. Остается лишь вопрос, нашла ли она свободу, к которой стремилась? Свободу она искала в жизни, в творчестве, но, скорее, пришла к пониманию ее сути, в этом, возможно, и состоит реализация более важной, чем эстетическая, познавательной функции искусства, которая «внезапно открывает нам сокоро-

венную, абсолютную истину о природе вещей»¹⁸. Так и Цветаева приходит к выводу, что «свобода есть наш ответ на тот порядок вещей, который мы не выбирали», это не выбор, не желание, «свобода в predeterminedности [...], которой мы в точности не знаем, которой мы никогда не противимся, в которой мы претерпеваем все, оставаясь собой». И далее: «В жизни мы ей (свободе) противопоставляем нашу волю, наши бедные решения, такие [половинчатые]. Свободен как во сне: да, где все предписано, заранее ожидаемо. Свободен бояться, болеть и т.д. Свобода претерпевать (фр.)», и главный вывод: «Способ, при помощи которого мы претерпеваем боль жизни, – вот наша свобода» (НЗК2, 371).

Литература / References

Ardaševa T., *Lingvokognitivnyj analiz koncepta «svoboda»(na materiale russkogo, anglijskogo i francuzskogo âzykov)*, avtoreferat dissertacii, Iževsk 2012, core.ac.uk/download/pdf/197429249.pdf. [Ардашева Т., *Лингвокогнитивный анализ концепта «свобода» (на материале русского, английского и французского языков)*, автореферат диссертации, Ижевск 2012].

Arutînova N., *Volâ i svoboda*, v: Arutînova N., *Logičeskij analiz âzyka*, Moskva 2003, s. 73-99. [Арутюнова Н., *Воля и свобода*, в: Арутюнова Н., *Логический анализ языка*, Москва 2003, с. 73-99].

Bal'mont K., *Marina Cvetaeva*, v: *Marina Cvetaeva v kritike sovremennikov v 2-h č. č. 1, 1910-1941 gody. Rodstvo i čuždost'*, Moskva 2003, s. 73-74. [Бальмонт К., *Марина Цветаева*, в: *Марина Цветаева в критике современников в 2-х ч. ч. 1, 1910-1941 годы. Родство и чуждость*, Москва 2003, с. 73-74].

Cvetaeva M., *Neizdannoe. Svodnye tetradi*, Moskva 1997. [Цветаева М., *Неизданное. Сводные тетради*, Москва 1997].

Cvetaeva M., *Neizdannoe. Zapisnye knižki*, t. 1-2, Moskva 1997. [Цветаева М., *Неизданное. Записные книжки*, т. 1-2, Москва 1997].

Cvetaeva M., *Sobranie sočinenij v 7-mi tomah*, Moskva 1994-1995. [Цветаева М., *Собрание сочинений в 7-ми томах*, Москва 1994-1995].

Egorova O., Kirillova O., «*Svoboda*» i «*volâ*» kak ključevye koncepty russkoj kul'tury, „*Âroslavskij pedagogičeskij vestnik. Gumanitarnyenuki*” 2012, № 4, t. 1, s. 161-167. [Егорова О., Кириллова О., «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры, „Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки” 2012, № 4, т. 1, с. 161-167].

¹⁸ А. Уайтхед, *Избранные работы по философии*, Москва 1990, s. 676-677.

Petrovyh N., *Koncepty volâ i svoboda (na materiale romana V. M. Šukšina „Â prišel dat' vam volû”)*, „Izvestiâ Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta” 2002, № 24, s. 207-217. [Петровых Н., *Концепты воля и свобода (на материале романа В. М. Шукшина „Я пришел дать вам волю”)*, „Известия Уральского государственного университета” 2002, № 24, с. 207-217].

Siprova E., *Svoboda kak nraustvennaâ cennost' v russskoj âzykovoï kartine mira: diahroničeskie izmeneniâ mežkategorial'nyh granic*, „Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki” 2018, № 1-2 (79), s. 369-372. [Сипрова Е., *Свобода как нравственная ценность в русской языковой картине мира: диахронические изменения межкатегориальных границ*, „Филологические науки. Вопросы теории и практики” 2018, № 1-2 (79), с. 369-372].

Šmelev A., *Eše raz o russskih slovah svoboda i volâ*, „Vestnik RUDN, Seriâ Lingvistika” 2018, вып. 22, № 3, s. 675-700. [Шмелев А., *Еще раз о русских словах свобода и воля*, „Вестник РУДН, Серия Лингвистика” 2018, вып. 22, № 3, с. 675-700].

Uajthed A., *Izbrannye raboty po filosofii*, Moskva 1990. [Уайтхед А., *Избранные работы по философии*, Москва 1990].